

МИГРАЦИИ И ПРОСТРАНСТВА / MIGRATIONS AND AREAS

Серия «Политология. Религиоведение»
2012. № 2 (9), ч. 2. С. 44–51
Онлайн-доступ к журналу:
<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ
Иркутского
государственного
университета

УДК 314.727

От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX – начале XXI в.*

К. В. Григоричев

*Научно-образовательный центр Межрегиональный институт
общественных наук при Иркутском государственном университете,
г. Иркутск*

Статья посвящена описанию формирования пригородов Иркутской агломерации в конце XX – начале XXI в. Кроме того, в ней рассматриваются основные типы пригородных поселений по способу взаимодействия городского и сельского социумов. Мы пришли к выводу о том, что в зонах развития пригорода было сформировано новое локальное сообщество по типу субурбии.

Ключевые слова: пригород, Иркутск, субурбанизация, локальность, сообщества.

Важнейшим следствием масштабных миграционных процессов постсоветского времени стала быстрая трансформация экономического, социально-культурного и политического пространства России. В большей или меньшей степени это касается как регионов, являющихся миграционными донорами, так и регионов-реципиентов, принимающих различные потоки миграции и разнообразные группы мигрантов. Миграции качественно меняют пространство, в котором они протекают, наделяя его новыми качествами и характеристиками и серьезно корректируя его вектор и темпы развития. Одним из далеко идущих следствий миграций становится появление новых локальных общностей и социальных пространств, не вписанных в традиционное пространство Города или Села, в которых и система миграционных процессов, и сам локальный социум находятся в процессе становления.

Одной из таких локальностей, где трансформация и экономического, и социального пространства приобрела лавинообразный характер, стали пригородные территории Иркутской агломерации. Пройдя вполне типичный путь развития пригородов крупного восточносибирского города в XX в., они в по-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., Соглашение № 14.В37.21.0495 «Развитие пригородов крупных городов Восточной Сибири как пространства социальной модернизации во второй половине XX – начале XXI века».

следние два десятилетия переменяли вектор своего развития, продемонстрировав новый способ изменения пригородных поселений и нетипичный для востока России способ взаимодействия городского и сельского сообществ.

В этой статье предпринята попытка рассмотреть основные варианты развития пригородных поселений в зоне Иркутской агломерации. Следует подчеркнуть, что в фокусе нашего внимания находятся не собственно типы сельских поселений, а, скорее, способ взаимодействия Города и Села в пригородном пространстве. В этой логике нас интересует, какая из названных сторон является активным актором в формировании пригородного пространства и сообщества, а какая – реципиентом; в каком из вариантов освоения пригорода формируются новые социальные локальности, а в каких нет. Иными словами, задачей этого текста является не описание максимально широкого спектра пригодных поселений, а, скорее, их типизация по критерию характера взаимодействия Города и Села.

От слободы до субурбии: попытка типизации

Спектр различных вариантов развития пригородной территории в ареале Иркутской агломерации чрезвычайно широк и охватывает как традиционные для Сибири формы включения пригородного пространства в сферу жизни города, так и новые способы взаимодействия города и пригорода. В данной работе рассматриваются не отдельные типы населенных пунктов (формально таковых не слишком много, и подавляющая их часть имеет статус села или садоводческого товарищества), а именно способы освоения пригородного пространства. Критериями при рассмотрении исследуемых способов служат вектор миграционных процессов как основного механизма роста населения пригородов, структурные характеристики пригорода (прежде всего, социокультурная среда как донор миграции) и характер взаимодействия мигрантов с принимающим сообществом. Такой подход позволяет существенно расширить не только число социальных групп, участвующих в развитии пригородов, но и число вариантов их включения в это пространство.

Хронологически наиболее ранним (применительно ко второй половине прошлого столетия) вариантом освоения пригородного пространства стало включение в него сельских населенных пунктов, возникших в XVIII – начале XX вв. Они оказались в сфере влияния Иркутска уже во второй половине XX столетия в результате бурного роста областного центра, а затем и всех городов Иркутской агломерации. Однако расширение административных границ Города, оказавшегося уже не «аж в области», а почти «за околицей», не привело к сколько-нибудь заметным изменениям в таких поселениях. Повышение транспортной доступности не ликвидировало культурной дистанции, и основная часть пригородных поселений сохраняла к концу 80 – началу 90-х гг. прошлого века и хозяйственный, и – что важнее – социокультурный уклад советского села.

Заметного миграционного притока ни из города, ни из сельской местности такие поселения не имели, а основу отрицательного миграционного баланса в них составлял отток молодежи в областной центр и за пределы области. Близость к крупному городу не стала достаточной предпосылкой для за-

пуска процесса их слободизации, включения их в социально-экономическую, а затем и социокультурную жизнь города. Урбанизационный поток миграции в буквальном смысле прошел мимо них и был полностью поглощен Иркутском и его городами-спутниками. Агломерационный характер развития (сложившийся с возникновением в 50-е гг. молодых городов Ангарска и Шелехова) обусловил высокую миграционную емкость областного центра. Возможность для выходцев из села обосноваться не в пригородном селе, а в городе, обеспечивавшая не только экономические выгоды, но и приобретение заметного символического капитала (статус «горожанина» versus статус «колхозника»), не оставляла практически никаких шансов на переезд сколько-нибудь заметной части мигрантов из сельских районов области в пригородные села.

Более поздние варианты развития пригорода сформировались в тесной связи со встречным миграционным движением – выездом горожан в сельскую местность, имеющим преимущественно сезонный характер. Т. Нефедова выделяет четыре основных вида «усадеб» горожан в сельской местности:

– дачи – сезонное загородное жилье, возникшее еще в имперской России и вплоть до середины XX в. остававшееся привилегией элитных классов;

– коллективные сады и огороды – массовый вариант аграрно-рекреационного землепользования, в котором собственно жилье имело не основную, а, скорее, обеспечивающую функцию;

– приобретенные или унаследованные сельские дома – вариант рекреационного загородного жилья, не связанный, как правило, с каким-либо аграрным землепользованием и представляющий собой инвариант классической дачи, лишенной элитарности;

– коттеджи – загородное всесезонное жилье, связанное с возникновением в 90-е новой элиты, имеющей возможность вкладывать средства в подобную недвижимость [7].

Первый из выделенных Т. Нефедовой типов «усадеб» для пригородов Иркутска на протяжении всего их развития сколько-нибудь распространенным не стал. Вероятно, основной причиной этого является немногочисленность региональной элиты, которая могла позволить себе подобное загородное жилье. И хотя локальные территории, где расположены «престижные», «статусные» дачи, в ареале Иркутской агломерации все же существуют (55–60-й километры Байкальского тракта, «31-й квартал» под Ангарском), существенного влияния на характер развития пригорода они не оказывают.

Последние же три типа представлены в пригородах Иркутской агломерации достаточно широко. Садоводческие товарищества формируют обширные массивы, тяготеющие к основным федеральным и региональным автодорогам и крупным водным объектам (Александровский и Байкальский тракты, Мельничная Падь, окраины Шелехова, в меньшей степени – Голоустенский тракт). Сопоставимые масштабы имеет и приобретение домов в сельских поселениях. Несмотря на меньшую концентрацию такого загородного жилья, ареал его распространения выходит далеко за пределы пригородной зоны Иркутска, достигая восточного (окрестности г. Слюдянка) и западного берегов (п. Б. Голоустное) озера Байкал. Коттеджные поселки представлены как

самостоятельными поселениями (например, п. Миловиды), так и небольшими массивами, «вкрапленными» в сельские поселения.

Специфику развития пригорода в Иркутске определило большое количество горожан, перебирающихся сюда на постоянное место жительства. Численность населения Иркутского сельского района за 20 постсоветских лет выросла на 30 тыс. чел, увеличившись более чем в полтора раза. Согласно переписи населения 2010 г., численность населения района составила 84,3 тысячи человек. При этом Иркутский сельский район уступает по данному параметру лишь областному центру (587,9 тыс. чел.), Братску (246,3 тыс. чел.), Ангарску (233,6 тыс. чел.) и Усть-Илимску (86,6 тыс. чел.) [5]. Быстрый рост населения района продолжился и после переписи, и к началу 2012 г. число жителей района достигло 89,9 тысяч человек [8]. Основная часть населения Иркутского района проживает в пригородной зоне (в 25–30-минутной транспортной доступности от областного центра), и процесс его концентрации продолжается: за 2007–2010 г. доля жителей района, проживающих в ближних пригородах, выросла с 72,1 % до 89 % [4; 5].

Число жителей Иркутского района на протяжении последних 10–15 лет стабильно растет на фоне сокращения численности населения по большинству областных муниципальных образований и по области в целом. Среднегодовые темпы прироста населения района в 1995–2010 гг. составляли 2,7–2,9 %, тогда как численность населения области за этот же период сократилась более чем на 320 тыс. чел. (на 11,6 %) [8].

Согласно данным администрации Иркутского сельского района, основной прирост населения в 2007–2010 гг. пришелся на муниципальные образования первого уровня, непосредственно примыкающие к городу, либо расположенные в 15–30-минутной транспортной доступности от города. Население Хомутовского сельского поселения (с. п.) выросло на 10 % (на 1,1 тыс. чел.), Молодежного с. п. – на 14 % (на 0,8 тыс. чел.), Мамоновского с. п. – на 22 % (на 0,7 тыс. чел.), Уриковского – на 32 % (на 1,5 тыс. чел.) и т. д.

Привлекательные для горожан поселения растут впечатляющими темпами: от 5 % до 15 % в год. Важно подчеркнуть, что это именно смена места жительства, а не сезонный переезд во второе жилье [3]. Здесь развитие города (точнее, Иркутской агломерации) как средоточия региональной жизни привело к развитию субурбанизационного процесса, пока не характерного для Сибири пути взаимодействия Города и Села как социокультурных общностей, в котором первый выступает активной стороной, а последнее – реципиентом.

Процесс этот имеет ряд отличий от классической (североамериканской) субурбанизации. Прежде всего, это то, что при переезде в пригород люди нередко сохраняют квартиру или иную жилплощадь в городе. Однако такое жилье крайне редко используется как второе (по аналогии со «вторым» – загородным жильем для горожан). В подавляющем большинстве случаев, это либо источник дополнительного дохода (от сдачи внаем), либо способ сохранения сбережений (вложения в недвижимость), широко распространенный в постсоветской России. Сохранение городской квартиры не рассматривается

как «запасной аэродром» – возможность для возврата в город. Это скорее экономический инструмент, нежели миграционный.

Отражением этой логики стал характер миграций, в которых доминирует движение горожан в сельский пригород. Здесь не Село приходит в Город, как это происходит в соседней Республике Бурятия [1; 6], а Город разрастается за счет экспансии в сельское пространство. Принципиальным отличием от миграции горожан в пригород в последней трети XX в. является характер этой миграции (люди переезжают не на сезон, а для постоянного проживания). Это принципиально меняет характер взаимодействия Города и Села в пригородном пространстве.

«Село городского типа»:

субурбия как новая социальная локальность

Каждый из выделенных вариантов развития пригорода не только выступает в связи со специфическими миграционными потоками и социальными группами, но и определяет характер взаимодействия Города и Села, задает вектор развития пригородного пространства. Важнейшим признаком здесь служит направление адаптационного процесса, определение «активной» и «пассивной» его стороны. Первые два типа (садоводческие товарищества и дачи как домовладения в сельских поселениях) при всем их различии объединены временностью для горожан и их готовностью принять сложившуюся здесь систему отношений и норм поведения. Иными словами, горожане выступают в роли классических временных мигрантов, приспособляющихся к специфике принимающего сообщества и особенностям нового для них пространства.

Здесь продолжает господствовать система общинных, коллективистских принципов построения локального социума, сохраняющая прочную «советскую» основу. Во многих садоводческих массивах, удаленных от города, хорошо прослеживаются черты, типичные для советской модели организации социального пространства: от статуса «председателя кооператива» («царь, бог и воинский начальник») и регулярных собраний кооператива до «войны с соседями» за половину квадратного метра участка. В сельских же поселениях, где дачные домовладения горожан пока еще остаются только вкраплениями в сельское пространство и сельский социум, необходимость «вписаться» в сложившуюся систему отношений задается самим ритмом местной жизни (от режима работы торговой и иной инфраструктуры до взаимоотношений с соседями и необходимости обработки приусадебного участка).

Возникновение в 1990-е гг. коттеджных поселков, несмотря на всю наглядность, даже некоторую инородность новации, не стало новым типом взаимодействия с социальным пространством советско-патриархального пригорода. Являясь вариантом престижного потребления и средством формирования новой идентичности, они возникали как социальные анклав [9], не взаимодействующие с окружающим социальным пространством, а, скорее, исключаемые из него. Большая часть таких поселков возникла вне существовавших ранее населенных пунктов, нередко в неудобном для жительства месте.

Здесь не социальное пространство изменяло пространство физическое [2], а новое физическое пространство (инородное, не органичное существующему) служило средством формирования нового социального пространства, ограниченного, слабо взаимодействующего с внешним миром, замкнутого. Немногочисленность таких поселков, обусловленная элитностью (а следовательно, эксклюзивностью) подобного жилья, делала их редкими вкраплениями на карте области, не меняющими природу Пригорода, а лишь подчеркивающими ее отличие от мира Города.

Примечательно и другое: коттедж как жилой объект зачастую не становится единственным или даже основным местом жительства владельцев [9], оставаясь лишь признаком богатства и статуса, но не способом символического присвоения пространства Пригорода. Последнее обстоятельство сближает коттеджи и дачи, которые, при всех своих отличиях от коттеджей, также могут быть отнесены к модели временного взаимодействия с пространством Пригорода.

Формирование субурбанизированного пространства (субурбии) как обширного ареала постоянного жительства горожан в пригороде стало качественно новым вариантом развития пригородного пространства. Принципиальным отличием от предшествующих моделей взаимодействия с пригородом является постоянный характер миграции в поселения, расположенные в зоне повседневной транспортной доступности от города. Построенное здесь жилье становится для владельца единственным или, по крайней мере, основным, в нем он проводит большую часть жизни. Сохраняя прочную связь с городом в сфере трудовой деятельности, переселенцы (по крайней мере, люди среднего возраста) довольно быстро переключают интересы внерабочей деятельности на локальное пространство, включают его в свою повседневность (торговой и социальной инфраструктурой, системой сервиса и досуга). Отсутствие или неразвитость этой сферы не столько разворачивает интересы мигрантов в сторону города (хотя это неизбежно на ранних этапах формирования субурбии), сколько подталкивает их к созданию и развитию систем соответствующих услуг. Пригород становится полем возможностей для развития малого бизнеса.

Сохраняя тесные связи с городом, вчерашние горожане активно осваивают новое для себя пространство, изменяя его в соответствии со своими потребностями в определенной организованности жизни, определенном уровне бытового комфорта, определенных формах досуга и т. д. Они не только раздвигают границы города, но и формируют полосу активного освоения нового, постоянно расширяющегося пространства. Здесь Город осваивает и социальное пространство Села, модернизируя его в соответствии с запросами мигрантов, и земли сельскохозяйственного назначения, включая их в зону жилой застройки.

Возникнув первоначально на окраинах сельских пригородных поселений, субурбия стремительно расширяется как за счет Села, так и за счет освоения нежилых территорий. Большинство сел Иркутского района, расположенных в пределах 15–40-минутной доступности от центра города, за по-

следние годы существенно преобразились, а рекламные плакаты и баннеры с предложениями участков в новых поселках стали рядовым явлением на улицах областного центра. Даже непродолжительный (на протяжении пяти лет) период наблюдений позволяет увидеть расширение этого пространства, изменение его внешних границ и включение в него все новых и новых участков Пригорода. Собственно сельского пространства в ближайших к городам агломерации селах уже не осталось. Субурбанизация как новый способ взаимодействия Города и Села активно преобразует иркутские пригороды, уже не формируя отдельные локусы иного социального пространства, а задавая масштабный тренд развития пригорода в целом, создавая качественно новую модель развития его пространства и сообществ.

Новая модель развития иркутских пригородов пока не стала типичной для крупных восточносибирских городов, однако она интересна не просто как примечательный кейс, но как уникальное в своем роде явление. Здесь чрезвычайно рельефно и наглядно реализуется модель взаимодействия многовекторных миграционных потоков, результатом реализации которой становится возникновение новой социальной локальности, не включенной полностью ни в пространство Города, ни в пространство Села, но складывающейся на их границе и использующей ее в качестве ресурса. Граница эта является не только и не столько административной, сколько экономической и культурной. Эта локальность преобразует барьерную социокультурную границу между Городом и Селом, существовавшую ранее, в *пространство взаимодействия* этих двух миров, пространство не институализированное, а потому открывающее широкое поле возможностей для формирования качественно нового локального сообщества, с новой для Сибири структурой и системой внутренних и внешних связей и отношений.

1. *Бреславский А. С.* Сельские мигранты в пространстве постсоветского Улан-Удэ // Изв. Алтайского гос. ун-та. Сер. История, политология. – 2011. – № 4, т. 1. – С. 22–25.

2. *Бурдые П.* Социология социального пространства. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетей, 2010.

3. *Григоричев К. В.* Миграционные процессы в зоне Иркутской агломерации // Изв. Алтайского гос. ун-та. Сер. История, политология. – № 4, т. 1. – С. 53–59.

4. Данные похозяйственного учета населения администрации Иркутского сельского районного муниципального образования.

5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol1/pub-01-11.xlsx.

6. *Карбаинов Н.* «Нахаловки» Улан-Удэ: ничейная земля, неправильные шаманы и право на город // Агинская street, танец с огнем и алюминиевые стрелы: присвоение культурных ландшафтов. – Хабаровск : Хабаровский научный центр ДВО РАН, Хабаровский краевой краеведческий музей им Н. И. Гродекова, 2006. – С. 129–154.

7. *Нефедова Т.* Российские пригороды. Горожане в сельской местности // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. – М. : ОГУ, 2001. – С. 384–387.

8. Территориальный орган федеральной службы статистики по Иркутской области : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <http://irkutskstat.gks.ru/digital/region1/DocLib3/number.html>.

9. Хэмфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России : антропологические очерки / К. Хэмфри. – М. : Наталис, 2010. – С. 219–226.

From Settlement to Suburb: Outskirts of Irkutsk in the Last Third of the XXth – the Early XXIth Century

K. V. Grigoriev

Irkutsk CASE hosted by the Irkutsk State University, Irkutsk

The article concerns processes of formation of suburbs in the Irkutsk agglomeration in the late XX – the early XXI century. Moreover it examines main types of suburban settlements according to the interaction between urban and rural societies. The author concludes that new local community like a suburban was formed at the outskirts of town.

Key words: outskirts, Irkutsk, suburbanization, locality, communities.

Григоричев Константин Вадимович – кандидат исторических наук, начальник научно-исследовательской части Иркутского государственного университета, административный директор научно-образовательного центра Межрегионального института общественных наук при ИГУ, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, оф. 201, тел. 8(3952)242082, e-mail: grigoriev@yandex.ru

Grigoriev Konstantin Vadimovich – Candidate of Historical Sciences, Head of the research Department of the ISU, Administrative Director of Irkutsk CASE hosted by the ISU, 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, of. 201, phone 8(3952)242082, e-mail: grigoriev@yandex.ru